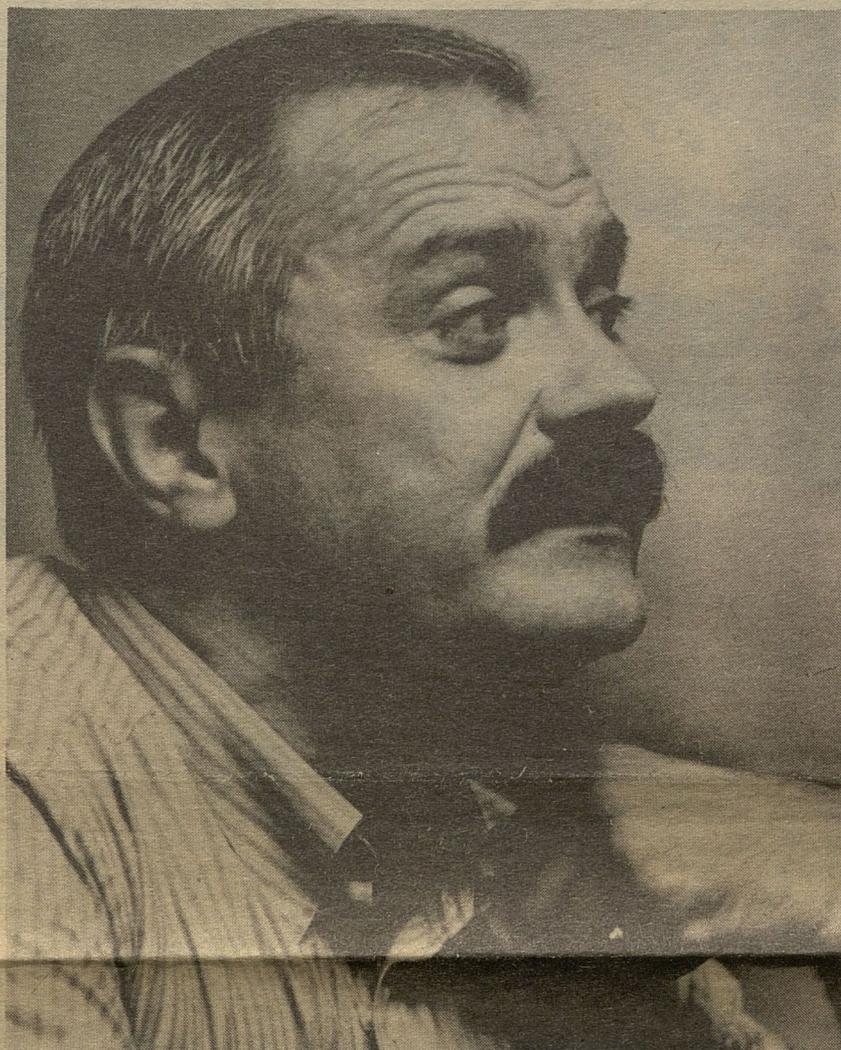

ПЕРЕКРЕСТОК

СУДЬБЫ И ТАЛАНТА

Его считали баловнем судьбы и удачливым «инфантом» известных родителей, ему приписывали невероятные связи в правительственных кругах, а он словно бы наперекор сопровождающим его с юности скандальным слухам удивлял всех своей небарской работоспособностью, энергией и талантом. После странного, полууспеха российско-итальянского фильма «Очи черные», более оцененного на Западе, нежели дома, многие предрекали Никите Михалкову полосу неудач, а то и вовсе «кризис жанра». Он и в самом деле будто на время затих, сойдя с авансцены общественной жизни в творческом сообществе, потом спокойно пережил тишину вокруг своей «проходной» картины «Автостоп» и уехал из страны в далекую киноэкспедицию. Но вопреки недобрым предсказаниям не пропал, а вернулся домой «на белом коне» и с Гран-при Венецианского фестиваля.

Прошлогодний западный триумф его новой, теперь уже французской по происхождению и монголо-китайской по сюжету картины «Урга. Территория любви» в этом году подтвердила аудитория двух крупных отечественных смотров — на сочинском «Кинотавре» фильм вышел в лидеры международного кинорынка, а на «Интерфесте-92» взял приз зрительских симпатий. Любопытно, что очередное «открытие» кинорежиссера Михалкова на родине происходило почти параллельно со скандальной суетой вокруг его телепередачи «Перекресток». Насколько две эти линии пересеклись в судьбе и творчестве самого Никиты Сергеевича, оценит история. А мы предлагаем «выслушать» монологи Михалкова, записанные во время его фестивальной встречи с московскими журналистами.

— Многих удивляет сам факт вашего неожиданного обращения к Востоку. Вы всегда интересовались русской классикой, а в «Урге» — монгольские степи, маленький китайский городок, чужие семейные и социальные проблемы. Почему произошел такой скачок в вашем творчестве? Не потому ли, как считают иные ваши недруги, что в какой-то момент вы почувствовали исчерпанность образных мотивов и волнующих вас идей? Не за живой ли водой чужой экзотической культуры вы кинулись в китайско-монгольские степи?

— Думаю, что здесь дело не в этом. Даже если бы это было так, то, наверное, было бы хуже, если бы продолжал выдавать «мертвую» воду за «живую» и шифровал бы пустоту, продолжая использовать «выработанную породу», и предполагал бы при том, что это может не нравиться только завистникам и врагам. Но я предпочитаю сам искать живую воду, если я иссяк.

Полагаю, что характер моего движения более метафизический. Ведь я не знал сначала, про что будет картина. Про главного героя, которого сыграл Гостюхин, сначала я знал лишь то, что у него на спине была музыкальная татуировка с записью нот «На сопках Манчжурии». Еще была придумана история про появление Чингисхана в степи и главная история с презервативами. Я знал, что у китайцев рож-

даемость искусственно ограничивается до одного человека, а у монголов до трех. Об этой искусственной борьбе с природой можно было начинать серьезный разговор.

... Я знал, что видимая монотонность степи в реальности не может быть монотонно-спокойной, как не может быть монотонным ничто. Степь — как океан, как лес, как горы — явление божественное. Поэтому, как бы меня не трактовали господа киневеды и как бы не объясняли мне меня самого, — я сам знаю, что я чувствовал. А я видел ВЕТЕР своими глазами! В степи его можно увидеть — видишь, как появляется где-то вдалеке маленькая узенькая полоска. И ты можешь к ней подойти. Подошел, она коснулась штанин — и улетела. Живой, осязаемый ветер. Это мой опыт. Я это видел и об этом снял фильм.

Понимаете, мы в основном ведь живем туристами, ленивой туристической жизнью. Не мир обтекает нас, а мы торопимся в туристическом автобусе, глядя в окна направо-налево, пробежаться по достопримечательностям и удовлетворить наше честолюбие. Сделать фотографии — Я и Эйфелева башня, Я и Пирамиды Хеопса, Я и Монблан, — а потом показывать родственникам и знакомым и думать, что в этом заключена подлинная жизнь. Если туриста оставить на одну ночь одного в степи, он сойдет с ума от страха. Потому что — все открыто, а он один наедине с божественным и независимым. Наш человек не готов к такому

общению с миром, мы постоянно вооружены чем-то. Мы разучились воспринимать мир — как часть себя. И себя — как часть мира. Ведь не обязательно бежать по миру, чтобы познать его. Можно воспринимать мир, оставаясь на одном месте. И я абсолютно уверен, что герои моего фильма, монголы, живущие уединенно в степи и меньше видевшие, знают больше нас... Про моих монгольских артистов я вообще могу говорить бесконечно. Мы постоянно «шли» за ними, за их естественностью. Это было своего рода «джэм-сейшен», импровизация. У Гостюхина была труднейшая задача вписаться в их живой коллектив, играть рядом с детьми и бабушкой в юрте... Их знание жизни — божественное, совсем иное... Я это и раньше ощущал. Это какое-то особое евразийское чувство. Все-таки все мы оттуда. И культуры наши во многом сходны, и ритм российской жизни близок к движению степи, и пение российское. Сколько в нашей жизни Востока, причем не просто Азии, а перемолотого, «русского Востока»...

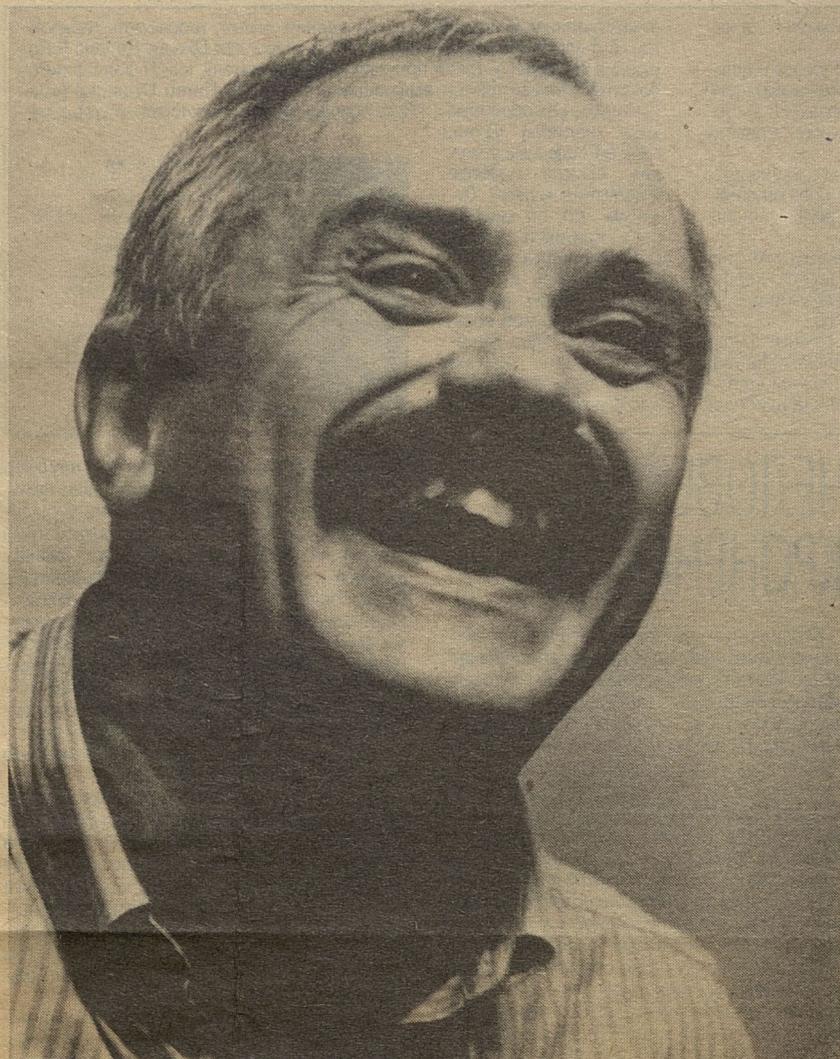
— Не считаете ли вы, что сейчас наступает закат культуры России? Есть ли пути спасения?

— Нет, я не считаю, что это закат. Идет уничтожение культуры. Закат — вещь естественная, а уничтожение — насильственная. Закат — явление божественное, а уничтожение — дьявольское. С закатом бороться нельзя, а с уничтожением можно.

... Мы утратили уважение к жизни и к смерти человека. Посмотрите, сколько убивают, грабят — и в жизни, и на экране. На экране уже никого не жаль. А Достоевский когда-то написал роман в 500 страниц про убийство одной бабушки. Про то, как один молодой человек решил убить человека, думая, что ему все разрешено и дозволено. И что потом с ним происходило... А теперь уже никому никого не жалко. Безжалостные зрители и безжалостные художники. Но безжалостный художник — это уже не художник. Кто-то из мудрых сказал — жестокая правда без любви есть ложь! А мы, не понимая этого, все продолжаем умножать нашу «правду» жизни. Можно взять камеру и пойти снимать в больницу, в притон, на вокзал — получится жестокое кино. Но какая правда? Без любви — это ложь. Без любви русское искусство не может существовать, оно мертво! Но у нас не закат, а истребление, которое поощряется теми, кто стоит у кормила власти.

А что делать? Убежден, что прежде всего надо похоронить Ленина. Хочу, чтобы меня правильно поняли. Дело совсем не в сведении счетов с коммунизмом. Просто я человек верующий, православный и считаю — негоже, чтобы в православной стране люди со всех сторон приезжали посмотреть на труп. Это язычество и истребление своего духовного предназначения. Это безбожно, а безбожие влечет за собой все прочие бедствия, о которых мы говорим. В этой стране тысячу лет был свой определенный нравственный и религиозный ствол. И все наши великие люди — Александр Невский, Дмитрий Донской, Пушкин, Ломоносов, Суворов, Кутузов, Достоевский — жили в этой системе координат России. Я не верю, что события семнадцатого года настолько логичны, что позволяют нам отместить и забыть то, что любил и берегли веками наши предки. А значит вся последующая наша история идет по нисходящей, по закону убывающего плодородия...

Считаю также, что нужно перезахоронить останки царской фамилии. Я убежден и верю,

что две эти акции могут принести мир на нашу землю. Это было бы искуплением. Ведь нельзя в какой-то момент сказать, что все было нехорошо, но давайте это забудем и начнем жить иначе. Так не бывает. Хотя, понимаю, что за все прошедшие годы мы уже научились иронизировать по любому поводу... Народ должен почувствовать искупление.

— Как вы относитесь к идеологии? В вашем политическом сознании произошел какой-то сдвиг в последнее время?

— Здесь важно понять, что считать идеологией. Ведь Евангельские заповеди — это тоже идеология. Но я себя не менял. Мне перекрашиваться незначит. Я никогда «красным» не был. Никто меня в этом не может упрекнуть. И об этом все мои картины.

— Но откуда же тогда у вас в «Рабы любви» такой обаятельный большевик-оператор в исполнении Родиона Нахпетова и жестокие белые? Ведь это подтверждает правоту победившей большевистской идеологии.

— Согласен. Но ведь дело не только в этом. Жалко нам кого? Героев Калягина, Басилашвили, Елены Соловей и весь этот ушедший победенный мир России...

— В вашем последнем фильме вы показываете человека в кругу семьи среди своих простых и вечных забот и словно бы отдаленного от всего мира бескрайней величественной степью. Но ведь как бы ни был счастлив человек в своем маленьком мире, он связан с жизнью народа. Вы считаете, что человеку необходимо быть частью великой державы или это не столь важно?

— Для меня важно. Я хочу быть частью сильного здорового государства, которое имеет свою историю, глубокие корни в прошлом. И я надеюсь, что я являюсь частью этого большого целого. Ведь я не говорю о государстве как о машине насилия. Вспомните, как говорил Обломов (цитирую только по смыслу) — вот я сейчас спал и почувствовал себя словно бы лист на ветке; вот ветер подует, и ты вместе с ветками качаешься, оторвет лист от ветки и унесет — куда полетишь, кем станешь?... Это, видимо, часть нашего национального харак-

тера... А кто-то из великих наших писателей XVII или XVIII века, не помню точно, писал, что когда наш человек переезжает границу государства Российского, по нему надо бить из пушек, как по усопшему, а когда возвращается — в колокола, как по воскресшему. Наивно и трогательно, но это ведь так! Это не значит, что нужно отделяться от всего мира, противостоять ему. Но родное — оно и есть родное. Хотите верить, хотите нет, но мне, например, гораздо интереснее жить в этом нашем бардаке и ужасе, нежели в какой-то другой спокойной стране...

Вот люди спрашивают — когда же мы наконец хорошо жить станем? Знаете, как Шукшин шутил: «Никогда хорошо не жили и не хрен начинать!»... Я, конечно, не политик, в политике не разбираюсь. Естественно, я понимаю недовольство людей тем, что дико повышаются цены. Но когда я вижу, как лидер правительства Гайдар практически идет на Голгофу и продолжает отстаивать свои идеи даже, когда все выступают против него, я начинаю задумываться, а может, он прав? Такая убежденность вызывает уважение...

— Что вы думаете о кризисе в отечественном кино? И как относитесь к феномену современного казахского кино, которое, по мнению многих профессионалов, ныне переживает период расцвета?

— К сожалению, я не имел счастья видеть много казахских картин, но есть ряд режиссеров, чье творчество я всегда ценил и уважал. А кризис и есть кризис. Все находится в кризисе, и кино тоже. В чем дело? Грибоедов говорил: колебания умов, ни в чем нет веры... Разрешились мы от бога.

Помню, ко мне в Италии, когда я был членом жюри, подошел один наш режиссер. Он не получил никакой награды и очень искренне возмущался. Говорит: Они что там обалдели что ли? Они что не понимают? Спрашиваю — а в чем дело? Ну у меня же там голые, в постели! Этого, же раньше не было у нас...

Человек искренне не понимал, что «они» все это уже много раз видели и что «это» на всей земле происходит одинаково, и вряд ли изумления добавит то, что в карманах снятых одежд

лежат советские паспорта. Было совершенно искреннее заблуждение в том, что наш запретный плод будет так же сладок другим, как и нам самим.

В картине Годара «На последнем дыхании» любовная сцена происходит под простыней; зрителям ничего не видно — а ощущения потрясающие. Почему? Да, чтобы снять двух голых людей, которые совокупляются, ничего особенного не нужно — только пара исполнителей, готовых это делать перед камерой, оператор, который может это спокойно заснять, и режиссер. А вот создание особой чувственной атмосферы — это уже искусство. Разница здесь гигантская! Так что выскажу старую крамольную мысль — не свобода в обществе делает художника, художник сам ищет выход своим творчеством. Значит, не вопрос искусства — разрешили или не разрешили. Вот у нас «разрешили». И что — получили мы кино? Сделал бы жест — да неудобно...

— Если бы сейчас какой-нибудь богатый продюсер предложил вам большие деньги, чтобы снять задуманные давно фильмы «Дмитрий Донской» и «Александр Грибоедов», вы бы согласились работать? Или эти темы уже отболели?

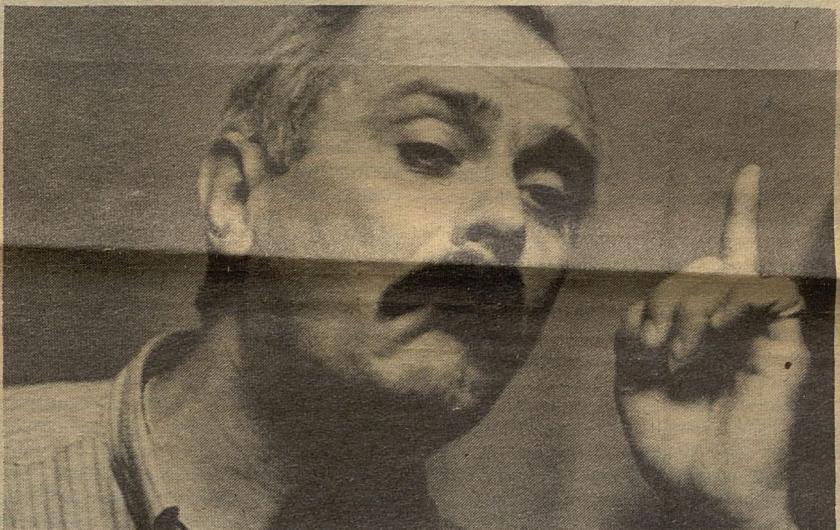
— Нет, не отболели. Но для работы над фильмом о Грибоедове сейчас нет возможности. Ведь одна из самых главных акций Александра Сергеевича Грибоедова — перевод двадцати тысяч плененных армян через Нахичевань в Карабах. Если начать это снимать, можно закончить, как Грибоедов. Это потрясающая, удивительная личность. А отсечь этого человека от Востока, от Персии невозможно, как невозможно снять фильм о судьбе Грибоедо-

циклопедией взаимоотношений того или иного современного режиссера с живописью, с временем. Скажем, Сергей Соловьев мог бы снять фильм о русском авангарде двадцатых годов. Феллини — об итальянской живописи, Куросава — о японской...

— Как вы отреагируете на то, если про вас напишут газеты, что опыт отшельничества в монгольских степях помог Никите Михалкову ухватить за «гриву» Венецианского Льва?

— Я не уходил в «отшельники» ради Венецианского приза. И совсем не задумывался о том, что скажут по этому поводу журналисты. Я не очень забочусь о том, как я выгляжу со стороны, когда работаю. На это уходит слишком много сил. Когда я занят делом, то занят делом. Вообще я много интересного про себя прочел в газетах в последнее время, особенно после «Перекрестка». Но я только ко лжи, которая задевает мое человеческое достоинство, отношусь агрессивно, а на все прочее не отвечаю. Мне гораздо важнее другое — самому понять, для чего я что-то делал. Поэтому

ва без Грузии. А «Донского» я бы хотел снять...

Еще хочу вернуться к Чехову. Мечтаю снять картину о трех последних годах жизни Антона Павловича, хотя это безумно сложно. Там такой клубок сложных человеческих взаимоотношений. С одной стороны — сестра, с другой — Ольга Леонардовна Книппер. Чехова вдруг начали делить перед смертью... Тут есть о чем подумать...

Но сейчас я собираюсь снимать сериал из двадцати коротких семиминутных фильмов — «Сентиментальное путешествие на мою родину через Русский музей». Это будет рассказ о двадцати картинах моих любимых живописцев, которые не собраны тематически или хронологически. Это очень индивидуальная, личная работа. Вот, допустим, «Московский дворик» Поленова. Сначала я очень коротко расскажу то, что мне кажется важным сказать про картину и Поленова, а потом мы будем ее подробно разглядывать. И в результате такого разглядывания должны будем услышать все то, что мог слышать сам художник, когда писал свою работу. Какие-то куски уличных диалогов, служба церковная идет вдалеке. Вот мальчишка пробежал, выкрикивая лозунги из свежих газет о покушении на царя. То есть историческая атмосфера времени будет рождаться не только через визуальное знакомство с живописью, но и через аудиовосприятие. Для меня это совершенно новый путь. Возможно, такая работа станет началом большой серии авторских фильмов, своеобразной эн-

поводу все сказал Александр Сергеевич Пушкин:

*Поэт! Не дорожи любовью народной,
Восторженных похвал пройдет минутный шум...*

*Ты царь, живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...
Всех строже оценить умеешь ты свой
скорбный труд.*

*Ты им доволен ли, взыскательный
художник?..*

Как бы кто ни относился к моим картинам, я их все люблю. И не потому, что считаю их очень хорошими, гладкими. Но для меня это не столько профессия — это моя жизнь. И «Раба любви» и «Механическое пианино...» — это все куски жизни. Сразу после завершения съемок я могу рассказать, почему сделал ту или иную картину, но с течением времени я уже не могу вспомнить подробно свои конкретные импульсы. Мои старые фильмы существуют для меня теперь уже как самостоятельные отлетевшие тела. Они остались в другой жизни. Кончается одна жизнь, начинается другая... Я никогда не снимал фильмы, чтоб заработать деньги или приз и чтоб что-то кому-то доказать. Я делал то, что считал возможным для себя. Каждая картина рождается во мне и «подбирается», как аккорд, нота за нотой. Кто-то из великих сказал гениальные слова — любое искусство пытается быть похожим на музыку. Главное услышать свою музыку...

Записала Наталья ЛУКИНЫХ.